

ставители государственного аппарата, предлагавшие немедленно изменить избирательный закон или же вовсе отказаться от Думы. Столыпин не пошел ни на первое, ни на второе. Он считал, что плод должен созреть и для этого необходимо взаимодействовать с Думой.

Выждав некоторое время, он выступил 6 марта 1907 г. в Таврическом дворце с правительственной декларацией, представившей на рассмотрение Думы целый пакет реформ. В этой речи Столыпин особенно рельефно проявился как *государственный деятель нового типа*. Он начал ее с разъяснения принципиальных основ намеченной перестройки и связанных с нею трудностей. В европейских странах с устоявшейся, демократически отлаженной государственной системой, говорил он, каждый новый закон легко вписывается в уже сложившуюся систему и, являясь отражением новой назревшей потребности, находит себе готовое место в общей системе государственного распорядка. “Не то, конечно, в стране, находящейся в периоде перестройки, а следовательно, и брожения. Тут не только каждый законопроект, но каждая отдельная его черта, каждая особенность может чувствительного отозваться на благе страны, на характере будущего законодательства. При множестве новизны, вносимой в жизнь народа, необходимо связать все отдельные правительственные предположения одной общей мыслью, мысль эту выяснить, положив ее в основание всего строительства и защищать ее, поскольку она проявляется в том или другом законопроекте” [Столыпин 1991: 50].

Центральным звеном всей программы реформ являлось, согласно Столыпину, обустройство самого многочисленного и самого необеспеченного слоя России — крестьянства. Одной из труднейших проблем аграрной реформы, указывал премьер, остается увеличение площади землевладения крестьян. При этом он заявил, что правительство не может согласиться с принудительным отчуждением земли помещиков, так как это нарушает принцип частной собственности и впоследствии может обернуться против самих же крестьян. Кроме того, многие помещичьи усадьбы составляют культурный фонд России, который ни в коем случае не следует разрушать. Наконец, даже полное отчуждение помещичьей земли не ликвидирует малоземелья в центральных губерниях страны.

Пути решения проблемы крестьянского землеустройства, подчеркнул Столыпин, правительство видит в обеспечении льготного кредита для приобретения крестьянами государственных и помещичьих земель, а также в освоении пустующих земель, которых особенно много в Сибири, и в организации добровольного переселения туда крестьян из центральных губерний.

Одновременно правительство выдвигало на утверждение Думы и ряд социально-политических реформ. Среди них премьер выделил правовое обеспечение политических свобод — свободы совести, неприкосновенности личности и жилища, тайны корреспонденции, обозначенных Манифестом 17 октября, но еще не утвержденных законом. Предлагалась также реформа местного самоуправления — земства, фактически уравнивавшая права и обязанности крестьянина и помещика в хозяйственно-административном самоуправлении. Премьер не скрывал, что превращение волости в бессловную самоуправляемую земскую единицу повлечет за собой перестройку в организации и работе уездных и губернских земств.

В правительственной декларации был поднят и рабочий вопрос. Предлагалось рассмотреть проекты государственного страхования рабочих в случае болезней, увечий, инвалидности и старости, установить новые нормы труда для подростков, законодательно сократить продолжительность рабочего дня. Значительная часть намеченного так и осталась нереализованной, но важно было то, что с новыми принципами трудового законодательства выступало само правительство.

Рост благосостояния народа Столыпин тесно увязывал с развитием народного образования. Предполагалось, в частности, принятие закона о всеобщем начальном образовании, утверждался принцип преемственности начального,